ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ
МЕНЩИКОВЪ И ЛЕЙБНИЦЪ.

РАЗГОВОРЪ,

БЫВШІЙ ВЪ ТОРГАУ 1711 ГОДА.

БЕРЛИНЪ 1861.
ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ Б. БЕРА (Э. БОКА).
UNTER DEN LINDEN 27.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ
МЕНЩИКОВЪ И ЛЕЙБНИЦЪ.

РАЗГОВОРЪ,

БЫВШІЙ ВЪ ТОРГАУ 1711 ГОДА.

БЕРЛИНЪ 1861.
ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ Б. БЕРА (Э. БОКА).
UNTER DEN LINDEN 27.

Предлагаемый публикѣ "Разговоръ Петра Великаго съ Лейбницемъ" найденъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ бумагахъ одного Русскаго сановника, умершаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Рукопись, по всѣмъ признакамъ, относится ко второй половинѣ прошлаго вѣка. Извѣстно, что Петръ Великій въ 1711 году дѣйствительно видѣлся съ Лейбницемъ въ Торгау. Вѣроятно долго послѣ того между образованными Русскими ходили преданія о содержаніи первой бесѣды между обоими геніальными людьми.

Кто-то очень остроумно возпользовался этими преданіями и написалъ издаваемый нынѣ "Разговоръ."

Печатаемая нами рукопись есть, вѣроятно, не единственный списокъ этого замѣчательнаго сочиненія, въ которомъ

оригинально высказано нѣсколько остроумныхъ и вѣрныхъ мыслей о самодержавіи и людяхъ окружающихъ самодержца. Характеръ Меншикова очерченъ тутъ мастерски.

На счетъ языка этой брошюры считаемъ нужнымъ напомнить читателю, что она написана не книжною, а разговорною рѣчью прошлаго вѣка, которая, сравнительно, потерпѣла не много измѣненій.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Здравствуй, философъ! Видишь ли, какой я школьникъ прилежный. Я прежде пришелъ конечно, нежели ты ожидалъ?

ЛЕЙБНИЦЪ.

Правда. Но скажи, Государь! Изготовленъ ли ты къ слушанію моихъ бредней? Я заранѣе сказываю, что буду говорить языкомъ, всеконечно тебѣ досенѣ неизвѣстнымъ; но намъ философамъ дана свобода болтать, а вамъ Государямъ на болтанье наше не смотрѣть.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Всякому свое. Но приступимъ къ дѣлу. Мое обыкновеніе есть итти прямо къ цѣли. Проповѣдуй! Вотъ тебѣ насъ двое не грамотныхъ. Читали мы мало; по свѣту много шатались. Чего ты изъ своей кельи не досмотрѣлъ, въ томъ тебя наставимъ.

ЛЕЙБНИЦЪ.

Философу ученья не убѣгать. Займу, Государь! безъ стыда знанія мнѣ чуждыя. Но отверзи же и ты съ своей стороны сердце чувствіямъ, часто отъ величія заглушеннымъ. — Править народами есть премудрость; но премудрость сія безъ одушевленія добродѣтели есть тѣло, лишенное жизненныхъ соковъ. Гніеніе въ немъ кроется и наружная стройность лишь временное тогда образованіе.

МЕНЩИКОВЪ.

Не правду ли я тебѣ, Государь! сказалъ, что философы эти попы то-жъ? Имъ ли наставлять самодержцевъ?

ЛЕЙБНИЦЪ.

Менщиковъ! Не дивлюсь твоимъ заключеніямъ. Должны мы видѣть различно. Но когда ты такъ твердъ въ своихъ мысляхъ начнемъ теперь предъ Государемъ прѣніе. Здѣсь не ратное поле. — Можетъ быть, удастся мнѣ заставить тебя положить оружіе.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Будь такъ и въ подлинно. Тебя это впредь научитъ, Менщиковъ, не въ свое дѣло вплетаться.

МЕНЩИКОВЪ.

Не бойся, Государь! Не ужъ-то думаешь, что я этому болтуну уступлю? Слыхалъ ихъ разсказы. Пустое!

ЛЕЙБНИЦЪ.

Случай ли колкихъ словъ? отвѣтствуй: въ чемъ разумѣешь народное управленіе?

МЕНЩИКОВЪ.

Народное управленіе состоитъ въ достиженіи такой власти, которой ничто противиться не можетъ.

ЛЕЙБНИЦЪ.

Хорошо. Но къ какой цѣли достигается таковая власть: къ исполненію ли только прихотей, или къ доставленію благосостоянія человѣчеству?

МЕНЩИКОВЪ.

Вотъ еще ваши пышныя слова: человѣчество! — Правитель земной есть подобіе Божіе: во власти безпредѣленъ, въ дѣлахъ безъ отвѣта.

ЛЕЙБНИЦЪ.

Еще лучше. Но богъ сей, которому приписывается всемогущество: подвластенъ ли страстямъ, ограниченъ ли въ понятіяхъ?

Чтобъ сравненіе твое было справедливо, то міромъ правило-бы существо, подобное нашему, или бы царемъ могъ только быть одинъ Богъ.

МЕНЩИКОВЪ.

Гдѣ-жъ намъ искать такихъ правителей, какихъ тебѣ надобно? Сожалѣтельно, что Всевышній не ссужаетъ насъ для того ангелами. До тѣхъ поръ, пока сего не будетъ, видно, что опредѣлено людямъ управлять людьми.

ЛЕЙБНИЦЪ.

Ты больше сказалъ въ послѣднихъ словахъ, нежели, можетъ быть, думалъ. Люди управляютъ людьми. Вотъ надпись всѣхъ дѣлъ свѣта! Но правятъ и обманомъ, правятъ и дубиною.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Философъ! Нарокомъ ли ты меня, задѣлъ? Обманъ мнѣ чуждъ; но безъ дубины не всегда обойтиться можно. Во многихъ случаяхъ сему средству обязанъ я былъ скорою успѣшностію. Впрочемъ, кажется, тамъ быть еще можно, гдѣ битымъ быть не есть стыдъ.

ЛЕЙБНИЦЪ.

Не позволяетъ время мнѣ здѣсь су-

дить, Государь! въ пространствѣ твои дѣла; но я зная тебя, скажу смѣлое слово: ты такой законодатель, какой надобенъ былъ твоему народу. Не всегда Орфеева лира удобна укрощать звѣрей. Впрочемъ, Государь! случай, въ которомъ ты нашелся, есть особенный. Мы не толкуемъ здѣсь о средствахъ просвѣщать народы; а токмо о тѣхъ, коими слагаются правленія, благо ихъ утверждающія.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Добро, продолжайте.

ЛЕЙБНИЦЪ.

Я сказалъ, что силою и хитростію люди правятъ людьми; слѣдственно, чтобъ охранить человѣчество отъ сихъ двухъ золъ, потребно, чтобъ просвѣщеніе обнаруживало хитрость, а свобода ограждала отъ силы.

МЕНЩИКОВЪ

Кто жъ будетъ хранить внутреннюю тишину? Кто будетъ стеречь предѣлы, когда ни въ чьей рукѣ не будетъ силы?

ЛЕЙБНИЦЪ.

Не ужъ-то изъ моихъ словъ выходитъ, что силы никаковой въ правленіяхъ не потребно? — Нужна она всеконечно, и нужна безпредѣльна и скородѣйствующа, но какъ

составить сію силу и какими средствами дѣлать ее благу общества безвредною: въ томъ одномъ и состоитъ вся трудность законодательства.

МЕНЩИКОВЪ.

Вижу, къ чему насъ, философъ, ведешъ. Разсматривать хочешь всѣ роды правленія и показать намъ, въ какомъ сила болѣе или менѣе вредна; но сократимъ: предпочитаешъ ты вѣрно правленіе демократическое всѣмъ прочимъ?

ЛЕЙБНИЦЪ.

Предпочиталъ бы, если бы народы такъ же были просвѣщенны, какъ желательно, чтобъ были государи въ правленіи самодержавномъ; но въ сихъ двухъ состояніяхъ неудобность равна. Можетъ быть возможное совершенство состоитъ въ сближеніи крайностей. Толкованіе сіе заведетъ насъ однако жъ далеко. Предложу я лучше здѣсь то, что прямо относится къ нашему толку. Ты не пришелъ, Государь! спросить меня: долженъ ли сложить царство, да и я еще не такъ далеко странствую въ бредняхъ, чтобъ думать, чтобъ какой нибудь самодержецъ согласился на подчиненіе. Нѣтъ! Будь царь и самовластенъ, но владѣй только отъ собственнаго побужденія такъ какъ въ ограниченныхъ монархіяхъ владѣютъ по предпи-

санпымъ правиламъ. Будь однимъ словомъ самодержецъ патріотъ. Но дабы ты не вздумалъ, Государь, что сему самодержцу, котораго я себѣ мечтаю, принадлежитъ только царствовать въ листахъ тысячи и одной ночи, представлю его я предъ тобою, такъ сказать, уже дѣйствующимъ.

"Самодержецъ патріотъ хотя бы укра-"шенъ былъ всѣми добродѣтелями, долженъ "однакожъ тщиться удостовѣрять въ дѣй-"стіи оныхъ, равно какъ бы въ сихъ добро-"дѣтеляхъ сомнѣвались."

"Извѣстно ему, что благосостояніе под-"данныхъ установляется паче воздержаніемъ "отъ пустыхъ предпріятій, и что когда въ "государствѣ всѣ сыты и покойны, нужно "ли чтобъ лѣтопись царствованія инымъ "чѣмъ украшалась?"

"Если дерзнутъ окружающіе вельможи "внушать ему, что все его и что прему-"дрость управленія состоитъ лишь въ слѣдо-"ваніи необузданной волѣ, то дастъ имъ онъ "возчуствовать, что заслуживаютъ они, чтобъ "у нихъ однихъ онъ взялъ, что ему вздумается "и надъ ними бы одними позволилъ мудр-"ствовать своей волѣ необузданной."

"Приползутъ къ подножію престола "его и тѣ подлые наущатели, кои стремятся "на погубленіе добромыслящихъ. Пресмы-"каясь въ темнотѣ, выдадутъ они себя за "хитрыхъ извѣдателей всѣхъ тайнъ; но го-

"сударь, стяжущій приверженность сердецъ, "дозволитъ ли гнусное лазутчество, или под-"лое писемъ перехваченіе? Неужли отъ "него сокроется, что средствомъ симъ иныхъ "тайнъ онъ не извѣдаетъ, какъ тѣ, кои до-"пускать до него, или дерзко соплетать "станутъ."

"Къ просящимъ милости будетъ го-"сударь внимателенъ, но въ оныхъ станетъ "отказывать не рѣдко, зная, что милости "составляются изъ податей и трудовъ на-"рода, и что имя его будетъ благословен-"но въ тѣхъ селеніяхъ, отъ которыхъ онъ "на тѣ милости ни трудовъ, ни податей "взыскивать не будетъ долженъ."

"Болѣе еще государственную казну "ни въ какомъ случаѣ за свою считать "не станетъ и не вручитъ онъ сей кивотъ "священный рукамъ хищнымъ и пронырь-"ливо-умѣющимъ ограждаться царскимъ "подтвержденіемъ."

"Таковые распорядители государствен-"ныхъ сокровищъ пойдутъ безбоязненно "лишь на обогащеніе себя и приверженныхъ "къ нимъ тварей, и стоить будетъ имъ "только щедро вознаграждать тѣхъ прибли-"женныхъ царедворцевъ, кои возьмутся "стеречь самодержца."

"Касательно до внѣшнихъ отношеній "услышитъ онъ скоро министра своего, пре-

“возносящаго искуство посредствомъ кото-“раго возвысить онъ можетъ вѣсъ его дер-“жавы; но извѣстно ему, что возвышеніе сіе “съ тѣмъ обыкновенно предлагается, чтобы “державу его и его самого вынести тогда “на торгъ Европейскій по мѣрѣ сего вѣса. “Не скроется также отъ него, что изъ “могущихъ посягнуть на такую дерзкую “куплю паче прочихъ всегда готовы зажи-“точные между народами; но какъ и такъ “уже грабительнымъ торгомъ сосутъ они “весь бытъ равно и его государства, какъ “прочихъ, то приметъ ли онъ тѣ высосан-“ныя сокровища во мзду наемничества, гнус-“наго даже и для промотавшагося герман-“скаго князька?”

“Равнодушнымъ однакожъ въ разсуж-“деніи всѣхъ сильныхъ въ Европѣ движеній “всеконечно онъ не останется, но съ благо-“разумною осмотрительностію каждый изъ “подвиговъ своихъ сдѣлаетъ рѣшительнымъ, “не позволяя ни чванству своихъ министровъ, “ни пронскамъ другихъ державъ подвергнуть “его собственную такому жребію, котораго “никто ужъ опредѣлить не можетъ.”

“Вотъ что отъ самодержца патріота не “тщетно ожидать будутъ, но восхищаться, “должны паче тѣмъ, что пройдутъ времена, “въ которые зазнавшіеся вельможи держатъ “мнимыхъ сомодержцевъ въ такой тѣсной “осадѣ, что ни съ какою полезною истиною

“и ни съ какимъ добродѣтельнымъ побуж-
“деніемъ допустить до нихъ нѣтъ способа.”

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Спасибо, философъ! Обѣщаю тебѣ, что наставленіе твердо помнить буду.

ЛЕЙБНИЦЪ.

Когда жъ я предъ собой ужъ самодержца патріота вижу, то дерзаю итти далѣе и сказать, что я думаю и о Государственномъ чинѣ.

Во всякомъ правленіи, которымъ охраняется счастіе народное и устанавливается благоразсудительная вольность, распредѣлены такъ власти, чтобъ отъ раздѣленія оныхъ доставлено было послѣднему человѣку средство избѣгать личнаго угнетенія.

Власти сіи суть слѣдующія:

1ʸᵃ. *Законодательная,* предписывающая законы общіе, но не судящая никого и до исполненія не касающаяся.

2ʸᵃ. *Судебная,* или судящая тяжбы по собственностямъ, и дѣла уголовныя, но не могущая ни предписывать законы, ни употреблять силы.

3ʸᵃ. *Исполнительная,* или имѣющая силы на отвращеніе внѣшнихъ опасностей и на охраненіе внутренняго покоя и порядка, но не могущая ни узаконять, ни судить.

Въ самодержавныхъ правленіяхъ власти сіи соединены въ одномъ лицѣ. Ты ими пользуешься, Государь! Но скажи, хотѣлъ ли бы ты быть самъ себѣ хотя одинъ день подчиненъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Философъ! Отдай мнѣ, однакожъ, справедливость. Если поступаю я иногда какъ-братъ мой Султанъ, то не рѣдко и дѣлю участь послѣдняго моего подданнаго. Скажу болѣе: во всемъ пространствѣ моего подвластія, никто трудовъ моимъ равныхъ не несетъ.

ЛЕЙБНИЦЪ.

Извѣстно мнѣ то Государь! Но дерзаю тебѣ повторить: случай твой есть особенный. Тебѣ достался корабль нестройный, но лѣсу крѣпкаго и здороваго. Ты бы могъ его исправить со временемъ всесовершенно, но пылкость твоего духа и, смѣю сказать, желаніе прославленія понудили тебя двинуть его преждевременно въ море. Бури возстали и ты правишь и чинишь ужъ, какъ можешь. Но обратимся къ слову: въ самодержавномъ правленіи всѣ власти стекаются въ одномъ лицѣ, но нѣтъ ли возможности и въ сихъ правленіяхъ оставлять законодательную и судебную власть той части народа, которой онѣ принадлежатъ? Не безъизвѣстно мнѣ, что могутъ на это

подобные Менщикову сказать. Знаю я премудрыя сіи возраженія, по которымъ самодержцамъ опасность въ малѣйшемъ отдѣленіи власти, но признаюсь, что въ заключеніяхъ сихъ есть отъ меня скрывающаяся глубокость. Конечно, задачи политическія содержатъ обстоятельства, отъ ясности математической отдаляющіяся, а потому и не подлежащія моему рѣшенію. Менщикову тайны всѣ сіи лучше извѣстны, и онъ тебя, Государь! наставитъ. Но позволь философу сказать тебѣ въ краткихъ словахъ, что если хочешь быть царемъ, каковымъ по просвѣщеніи твоего разума и по добротѣ души быть долженъ, то царствуй, не предписывая одинъ законовъ и не судя никого. Когда позволитъ время, то разсмотри съ тобою: на кого по состоянію вещей у себя, въ томъ лучше положиться можешь. Для проницанія твоего сказалъ ужъ я довольно.

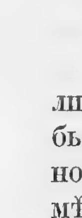
МЕНЩИКОВЪ.

Лейбницъ! сойди немного съ облаковъ. Пошатайся между людьми; гдѣ тотъ народъ, который, познавъ свою силу, не приведетъ ее въ разстройство? Если самодержецъ безразсудный опасенъ, то что будетъ народъ необузданный? Послушай! Не лучше ли вмѣсто всѣхъ этихъ пустыхъ затѣй имѣть многочисленныя войска для содержанія въ страхѣ сосѣдей а хорошихъ полиц-

мейстеровъ и проворныхъ десятскихъ для внутреннаго порядка?

ЛЕЙБНИЦЪ.

Вотъ, правду сказать, правленіе. Подъ онымъ конечно все охранено будетъ; но охранены точно такъ и заключенные въ тюрьмѣ. Сверхъ того достигаетъ ли, Менщиковъ, твое проницаніе до предметовъ, нѣсколько отдаленныхъ? Ты думаешь быть здѣсь стряпчимъ самодержавія; но ты стряпчій вольности. Взгляни на Францію, на сего Людовика XIV, окружавшаго себя полками, заставившаго трепетать всѣ чины государства, что дѣлается тамъ? Каково обороняютъ сіи многочисленныя силы отъ соединившихся непріятелей?

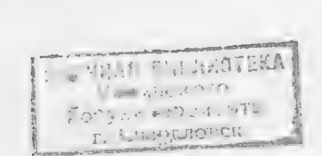

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Лейбницъ! Военныя несчастія зависятъ ли всегда отъ образа правленія? Я самъ былъ нѣсколько лѣтъ битъ Шведами; но одинъ день Полтавскаго боя все перемѣнилъ.

ЛЕЙБНИЦЪ.

Пускай, Государь! не всегда многочисленныя войска возбудятъ страхъ и подозрѣніе въ сосѣдяхъ; пускай не всегда совокупиться можетъ столько непріятелей, отъ которыхъ бы многочисліе ихъ сдѣлалось

безполезнымъ: но оспоримо ли то, что они суть источники тяжкихъ податей? Придетъ время, въ которое платить будетъ трудно. Трудность подвигнетъ къ разсужденіямъ, а отъ разсужденій до дѣйствія во многихъ случаяхъ одна минута. Повѣрьте мнѣ, что потомство гордаго монарха заплатитъ дорого за вымышленныя имъ средства. Онъ и самъ уже близокъ къ униженію. Его состояніе есть поученіе, болѣе всѣхъ нашихъ толковъ философскихъ сказующее.

МЕНЩИКОВЪ.

Въ состояніи его вижу я болѣе какъ неудачи въ военныхъ дѣйствіяхъ. Сіе хотя и зависѣть должно отъ искуства полководца, но притомъ часто зависитъ и отъ счастія. Философу ли разсуждать по произшествіямъ? Скажу, что бъ было съ нами Русскими, если бы Государь, желая насъ просвѣтить, не сложилъ бы съ перваго шагу въ народъ военный; когда вмѣсто того погнаны были мы въ однѣ только школы: то бы изъ этихъ школъ неграмотные сосѣдніе солдаты скоро насъ выбили.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Менщиковъ конечно въ этомъ правъ. Сіе то и заставило меня сдѣлаться предпочтительно полководцемъ. Знаешь ли, философъ! что я превозмогъ для того почти

естество. Въ младенчествѣ я былъ робокъ. Когда потребована народная польза, сдѣлался неустрашимъ. Съ тѣхъ поръ, признаюсь, что къ ремеслу пришла можетъ быть и лишняя охота; но удача все покрыла.

МЕНЩИКОВЪ.

Государь! не тужи. Если ты не щадилъ народъ — по войнамъ, то вѣрь мнѣ, что охранилъ его тѣмъ отъ внутреннихъ безпокойствъ. Есть обстоятельства, въ которыхъ монарху остается только, какъ искусному врачу, претворить болѣзнь въ другую. Политика есть хитрость. Принадлежитъ она къ нравоученію тогда только, когда обыкновенное состояніе вещей не претитъ сей зависимости.

ЛЕЙБНИЦЪ.

Съ удивленіемъ слышу таковыя правила, но скажу притомъ, что не видѣвъ въ тебѣ лицемѣрія, сношу ихъ терпѣливѣе. Государь! Менщиковъ можетъ съ успѣхомъ быть употребленъ. Дарованія его конечно не сумнительны, но если хочешь ими лучше пользоваться, *то уступи его тому изъ своихъ сосѣдей, котораго ты замыслилъ раззореніе.*

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Лейбницъ! Я вижу, что ты судишь о мнѣ, какъ о другихъ государяхъ. Не безпо-

койся! Позволяю я много; но опять умѣю и укрощать. На одномъ часу бываетъ у меня Менщиковъ фельдмаршалъ и деньщикъ, — (*оборотясь къ Менщикову*): слушай-ка ты, думная голова! Сойди, да подведи мнѣ лошадь. Прощай философъ! въ другой разъ еще разговоръ сей продолжимъ.

Печатано въ типографіи Тровича и сына.
LEIPZIGERSTRASSE 112.

Trowitzsch & fils, imprimeurs à Berlin.